

pISSN 2073-2872
eISSN 2311-875X

Экономическая политика государства

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ НЕФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ В РОССИИ И МЕРЫ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ИХ НЕЙТРАЛИЗАЦИЮ*

Андрей Игоревич МАСТЕРОВ

кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник Центра налоговой политики,
Научно-исследовательский финансовый институт
Министерства финансов Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация
andrey-masterov@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5531-1047>
SPIN-код: 2923-6143

История статьи:

Рег. № 941/2018
Получена 25.12.2018
Получена в
доработанном виде
16.01.2019
Одобрена 31.01.2019
Доступна онлайн
14.07.2022

УДК 336.02:332.02
JEL: E69, H21, H26,
H30

Аннотация

Предмет. Проблема роста неформальной занятости в России, усугубляющаяся в условиях развития компьютерных и сетевых технологий и нестабильной экономической обстановки и создающая угрозу потенциальных проблем с формированием доходной части бюджета.

Цели. Выделение и анализ ключевых факторов, способствующих развитию неформальной занятости и теневого сектора экономики. Характеристика степени соответствия российского законодательства современным реалиям развития дистанционного сотрудничества и сетевых технологий. Определение мер налоговой политики, направленных на предотвращение уклонения от налогообложения самозанятых и сокращение теневой занятости.

Методология. В работе использованы методы факторного, системного, динамического анализа.

Результаты. Показаны основные факторы, влияющие на распространение неформальной занятости и рост теневого сектора экономики. Обоснована необходимость корректировки налоговой политики, направленной на снижение масштабов уклонения от налогообложения и повышение контроля со стороны государства и налоговых служб за неформальной занятостью и дистанционными формами сотрудничества между самозанятыми и потребителями их услуг.

Область применения. Результаты исследования могут быть использованы в разработке мер законодательного и налогового регулирования деятельности самозанятого населения, вовлеченного в дистанционные формы сотрудничества без официального трудоустройства в целях сокращения теневого сектора экономики и предотвращения случаев уклонения от налогообложения со стороны самозанятых.

Выводы. Основными факторами, способствующими формированию неформальной занятости, является интенсивное развитие сетевых и информационных технологий, а также

Ключевые слова: неформальная занятость, самозанятость, налогообложение, сетевая платформа, налоговая политика

усугубление экономической ситуации в стране, связанное с учащением кризисных явлений, трудностями с официальным трудоустройством. В этих условиях необходима скоординированная государственная налоговая политика, направленная на регулирование дистанционных форм занятости и деятельности сетевых платформ в Интернете.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2018

Для цитирования: Мастеров А.И. Факторы формирования неформальной занятости в России и меры налоговой политики, направленные на их нейтрализацию // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2022. – Т. 18, № 7. – С. 1260 – 1283.
<https://doi.org/10.24891/ni.18.7.1260>

В настоящее время значительная часть российского населения, находящегося в трудоспособном возрасте, полностью или частично занята в неформальном секторе экономики [1]. По некоторым данным¹, численность таких работников достигает 15 млн чел. Большая часть этих граждан не уплачивает налоги с доходов от своей деятельности и не производит соответствующих социальных платежей. Это создает дополнительную нагрузку на бюджетную систему страны, поскольку такие люди зачастую пользуются всеми доступными государственными услугами, льготами, пособиями и т.д.² [2]. Наличие такой категории занятых создает риски недополучения значительного объема налоговых поступлений в государственный бюджет и государственные внебюджетные фонды. Эти риски значительно увеличиваются в современных условиях – с развитием сетевых технологий и различных форм дистанционного сотрудничества. Таким образом, растет актуальность исследования соответствующих факторов, идентификации причин возникновения неформальной занятости в целях разработки соответствующих мер государственной политики – в том числе и налоговой.

Выделим ключевые факторы формирования неформальной занятости в российской экономике.

Один из основных заключается в формировании категории самозанятых граждан, которые вовлечены в деятельность, связанную с частным характером предоставления услуг в таких сферах деятельности, как уход за

^{*} Статья подготовлена по материалам журнала «Национальные интересы: приоритеты и безопасность». 2019. Т. 15. Вып. 3.

¹ Голикова: 14,4 млн россиян не платят налоги. URL: <https://iz.ru/news/669218>

² Малис Н.И. Новые правила налогообложения микробизнеса должны способствовать росту налоговых поступлений // Налоги и финансы. 2017. № 4. С. 40–46.

детьми (няни), предоставление частных услуг образовательного характера (репетиторство), предоставление услуг, связанных с ремонтом квартир, ремонтом и обслуживанием радио- и видеоаппаратуры, компьютеров, установкой и обслуживанием программного обеспечения. Особенность данных услуг заключается в том, что они могут оказываться частным образом – путем достижения устной договоренности между клиентом и поставщиком услуг без необходимости оформления соответствующего договора. Расчеты в таких случаях зачастую производятся наличными средствами, без уплаты соответствующих налогов и взносов [3].

В последнее время проблема неформальной занятости усугубляется активным развитием ИКТ, что привело к появлению новой категории работников. Это независимые профессионалы, не состоящие в штате организаций и занимающиеся самостоятельным предоставлением услуг различным заказчикам в режиме удаленного доступа – электронные фрилансеры [4]. Отсутствие законодательных и технических средств регулирования сетевой экономики, в том числе в целях налогообложения, создает значительные риски недополучения существенной части доходов бюджета вследствие расширения неформальной занятости за счет граждан, занятых в сетевой среде и в условиях отсутствия соответствующего регулирования сетевой экономики имеющих широкие возможности для уклонения от налогообложения [5, 6].

На сегодняшний день приходится констатировать, что проблема сетевой экономики и электронного фриланса до сих пор не получила широкого освещения в отечественных исследованиях. Одно из немногочисленных серьезных и комплексных исследований по этой тематике было проведено специалистами Высшей школы экономики [7]. Они выполнили ряд статистических исследований, позволивших дать оценки масштабам этого рода деятельности – в том числе на основании проведения первой Всероссийской переписи фрилансеров. В то же время следует учитывать, что данное исследование проводилось в 2008 г., и полученные данные в настоящий момент не могут рассматриваться как репрезентативные (особенно в эпоху стремительного развития цифровых технологий). Вместе с тем проведенное исследование включало данные по различным категориям населения, занятым фрилансом, и по его результатам было предложено собственно определение фрилансеров, а также приведены их основные характеристики [8].

Авторами исследования ВШЭ, в свою очередь, были предложены следующие признаки фрилансеров (при этом авторы указывали на дискуссионность предложенных критериев и определений) [7, 8]:

- систематическая деятельность в рамках конкретной профессии;
- деятельность преимущественно в сфере услуг;
- получение гонорара за оказываемые в частном порядке услуги, который не соответствует критериям предпринимательской прибыли;
- деятельность связана в основном с производством и обработкой информации;
- навыки и умения фрилансера можно представить в виде некоего «человеческого капитала», полученного в процессе получения образования и осуществления практической деятельности.

По результатам исследований была выделена категория так называемых «электронных фрилансеров», которые осуществляют свою деятельность на дистанционной основе, активно используя при этом информационные и сетевые технологии. В качестве ключевого элемента инфраструктуры рынка электронных фрилансеров были выделены специальные интернет-ресурсы, которые представляют собой электронные биржи, предоставляющие услуги по поиску работы, получению заданий, передаче результатов работы и оплате – без необходимости очного контакта работников, предоставляющих услуги, и их потребителями. Решение всех текущих вопросов осуществляется в сети Интернет [7], а также посредством различных дистанционных сетевых технологий (электронные банковские системы, мобильные приложения и т.д.).

Вместе с тем продолжающееся на протяжении последних 10 лет активное развитие рынка фриланса не допускает автоматического переноса сделанных выводов на текущие реалии. Под влиянием таких тенденций, как интенсивное развитие сетевых технологий, участившиеся кризисные явления в российской экономике, сопровождающиеся увеличением количества безработных и снижением реальных располагаемых доходов населения, происходит дальнейший рост неформальной занятости. Кроме того, имеет место расширение перечня видов деятельности, которые могут осуществляться в рамках дистанционного оказания услуг посредством применения информационно-коммуникационных технологий.

Анализируя состав и виды оказываемых услуг на современных биржах труда удаленных работников, необходимо отметить наличие на рынке фриланса как услуг, требующих специальной подготовки и навыков в области экономики, финансов, бухгалтерского и управленческого учета, юриспруденции, так и растущий спрос на услуги, не требующие специальной подготовки и образования – набор текстов и различные манипуляции с ним, проведение фото- и видеосъемки, а также некоторые виды обработки фото- и видеоизображений с использованием общедоступного программного обеспечения. Таким образом, следует отметить расширение круга профессий электронных фрилансеров и активное вовлечение на рынок фриланса новых участников вследствие роста его доступности для лиц, не имеющих специальной подготовки либо профессиональных знаний и навыков.

Хотя официальная статистика занятости в России на данный момент не располагает сведениями, которые однозначно указывали бы на серьезные изменения в структуре трудового рынка в сторону увеличения доли неформальной занятости, анализ некоторых данных выявил ряд тревожных тенденций.

Так, неоднозначную картину показывает статистика занятости населения по различным возрастным группам за период с 2005 по 2016 г. (табл. 1). Отмечая рост численности занятого населения по большинству возрастных групп, следует обратить внимание на значительное снижение численности занятых в наиболее старшей возрастной группе (от 65 до 72 лет), а также среди молодежи (от 15 до 19 и от 20 до 24 лет). Наиболее серьезное снижение доли населения, декларировавшего официальную занятость, отмечается среди лиц до 19 лет. Как показывают статистические данные, к 2015–2016 гг. численность работающих в этой группе сократилась в 1,5–3 раза по сравнению с периодом десятилетней давности. Так, в 2005 г. численность занятых в возрастной группе 15–19 лет достигала 1 420 тыс. чел., в 2010 г. она сократилась в два раза, составив 702 тыс. чел., а в 2015 г. снизилась еще более чем на 40%. Серьезно сократилась и численность официально работающих граждан и среди лиц возрастом от 20 до 24 лет – к 2016 г. данный показатель снизился на 29,2% по сравнению с 2010 г., при этом темпы снижения в 2014–2016 гг. ускорились.

Анализируя причины таких тенденций, следует прежде всего отметить демографический спад, имевший место в кризисные 1990-е гг., что выразилось, в частности, в резком снижении рождаемости. Демографический спад 1990-х гг. позволяет достаточно убедительно объяснить то

обстоятельство, что наиболее резкое снижение численности трудящихся сначала отмечалось в возрастной группе 15–19 лет, а затем – через 5–10 лет – среди лиц в возрасте 20–24 лет.

Вместе с тем, как показывает более углубленный анализ, демографические причины хотя и являются одним из факторов деформации рынка труда среди молодых категорий населения, но не могут рассматриваться в качестве единственного ключевого фактора, под влиянием которого произошли отмечаемые изменения в структуре занятого населения.

Для оценки степени влияния демографического фактора на снижение занятости среди молодых людей было проведено сопоставление степени убывания численности трудящихся в возрастных группах 15–19 и 20–24 лет со степенью убывания соответствующих им средних пятилетних показателей рождаемости. При этом учитывалось, что в 2005 г. данные возрастные группы составляли лица, которые родились в период с 1986 по 1990 г. и с 1981 по 1985 г. соответственно, в то время как в 2015 г. данные группы состояли из лиц, родившихся в 1996–2000 и 1991–1995 гг. соответственно. Для получения сопоставительных оценок в пятилетнем летнем периоде были рассчитаны средние значения численности родившихся за последние пять лет (*табл. 2*).

Проведенное сопоставление показывает, что в отношении группы лиц в возрасте от 15 до 19 лет наиболее значительное сокращение занятости произошло в период с 2005 по 2015 г. – за данный период численность официально работающих в этой группе снизилась на 70,8%. Рассчитанный нами усредненный показатель рождаемости за пять лет, соответствующий данной возрастной группе, с 1990 по 2000 г. снизился на 44,9%.

В группе лиц возрастом от 20 до 24 лет наиболее значительное сокращение занятости произошло в период 2010–2016 гг. – соответствующий показатель снизился на 29,2%. Усредненный показатель рождаемости за пять лет с 1990 по 1996 гг. сократился на 38,7%.

Из приведенной статистики можно сделать вывод, что темпы снижения численности занятых в рассматриваемые периоды времени в возрастных группах 15–19 и 20–24 лет были значительно выше темпов снижения рождаемости в соответствующие периоды времени. Таким образом, тенденции по сокращению численности занятых среди лиц молодого возраста не могут быть объяснены только лишь резким ухудшением

демографических показателей рождаемости, которые имели место в 1990-х гг.

Серьезное сокращение занятых среди молодежи не может быть также объяснено стремлением к получению высшего образования и соответствующей квалификации до выхода на рынок труда. Согласно официальным статистическим данным, в последние годы наблюдается значительное и устойчивое снижение числа учащихся высших учебных заведений и по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих, отмечается также снижение уровня выпуска специалистов по всем программам подготовки (*табл. 3*).

Вместе со снижением численности занятых в возрастных группах 15–19 и 20–24 лет наблюдается и снижение численности безработных (*табл. 4*). Это позволяет сделать вывод, что услуги помощи в трудоустройстве не находят значительного интереса среди молодых лиц, несмотря на снижение спроса на высшее образование и высокий уровень подготовки молодых специалистов в целом.

Таким образом, наблюдающиеся тенденции ставят ряд вопросов, требующих более глубокого изучения рынка труда, поскольку отмечаемые изменения могут быть начальными признаками начинающихся серьезных структурных изменений на рынке труда, связанными с расширением цифровой экономики. А в условиях отсутствия системного государственного регулирования и при дальнейшем росте неформальной занятости в российской экономике это чревато существенным ростом недополучаемых налоговых поступлений и увеличением нагрузки на бюджетную систему страны.

Другим серьезным фактором, способствующим росту неформальной занятости, является экономическая нестабильность и участвовавшие кризисные явления в российской экономике. В *табл. 5* представлена информация о динамике ВВП России с 2000 г.

Из данных *табл. 5* следует, что период устойчивого экономического роста 2000-х гг., в значительной степени связанный с благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой (стабильно высокими ценами на энергоносители), после мирового финансового кризиса 2007–2008 гг. и последующими экономическими и геополитическими потрясениями 2014–2015 гг. сменился периодом нестабильности, выразившимся в участвовавших явлениях стагнации и рецессии в отечественной экономике.

Это в значительной степени сказалось и на социально-экономическом положении населения, обострив проблемы безработицы, снижения доходов граждан и создав дополнительные условия для формирования неформальной занятости.

Как свидетельствует анализ показателей неравенства и бедности (*табл. 6*), наиболее значительный рост индекса Джини, характеризующего уровень неравенства в мире, наблюдался в период наиболее стабильного и интенсивного роста ВВП. Вместе с тем после кризиса 2008–2009 гг. и начала периода неустойчивой динамики ВВП, с переходом к стагнации 2013–2014 гг. и рецессии 2015–2016 гг. прекратился и рост индекса Джини. В этот период началось снижение коэффициента фондов – показателя, характеризующего соотношение между средними доходами 10% наиболее богатого и 10% наиболее бедного населения, который, согласно рекомендациям ООН, не должен превышать 8 или 10. В противном случае ситуация в стране станет критической и будет наблюдаться высокий уровень социальной напряженности в обществе [9]. В России, несмотря на некоторое сокращение в последние годы, данный показатель остается на достаточно высоком уровне, имея в 2017 г. значение 15,5, что в 1,5–2 раза выше рекомендуемого ООН значения. Тенденции последних лет создают предпосылки для возобновления роста числа бедных, а также углубления разрыва между богатыми и бедными слоями населения.

Как следует из данных *табл. 7*, на протяжении 2000-х гг. наблюдалось устойчивое снижение численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, которое к 2012 г. достигло минимального значения. Однако в последующие годы численность данной категории граждан и ее удельный вес в общей структуре населения снова начали расти.

Одной из причин подобных тенденций является прекращение роста реально располагаемых денежных доходов населения и начало их снижения с 2014 г., продолжившееся и в 2015–2017 гг. (*табл. 8*).

Высокая степень чувствительности к негативным внешним факторам может объясняться и отсутствием устойчивой базы для стабильного экономического роста – широкой прослойки населения со стабильным уровнем доходов, влияние негативных внешних воздействий на которых сведено к минимуму.

Нестабильность доходов населения, их высокая чувствительность к кризисным явлениям в российской экономике также отрицательно сказывается на перспективах экономического развития страны в целом, поскольку снижение доходов ведет к падению платежеспособного спроса. Как следует из *рис. 1*, кризисные явления в российской экономике, имевшие место в 2008–2009 гг., а также в 2015–2016 гг. и связанное с ними падение доходов населения и увеличение числа лиц с доходами ниже прожиточного минимума негативно сказывались на динамике платежеспособного спроса как на продовольственные, так и на непродовольственные товары. Это создавало дополнительное негативное влияние на развитие российской экономики, затрудняя ее выход из кризиса.

Как следствие, многие российские предприятия в условиях падения платежеспособного спроса вынуждены были искать пути выхода из сложившегося сложного положения – в том числе за счет сокращения заработной платы персонала и численности работников. Это обстоятельство также негативно повлияло на ситуацию с теневой занятостью – в условиях сокращения персонала, сложностями с поисками работы, многие граждане начинали искать работу в секторе неформальной занятости, не обращаясь при этом в учреждения по трудоустройству и не регистрируясь в качестве безработных [10]. В результате происходил рост спроса на дистанционные формы сотрудничества, как требующие специализированной профессиональной подготовки, так и не предполагающих каких-либо специальных навыков и знаний. В последнем случае зачастую было достаточно программы средней школы [11].

Кроме того, распространение дистанционных форм занятости, не требующих специальной профессиональной подготовки, происходит в условиях, когда снижается доступность бесплатного высшего образования. Вместе с нарастанием кризисных явлений в российской экономике это ведет к тому, что многие молодые люди предпочитают выходить на рынок фриланса в поисках вариантов с дистанционными формами занятости, не требующими специальной подготовки, что, в свою очередь, дополнительно способствует росту неформальной занятости.

В то же время многие предприятия в этих условиях, не имея уверенности в завтрашнем дне, предпочитают не нанимать персонал на условиях постоянной занятости, а привлекать работников для выполнения текущих поручений на разовой основе – в том числе без официального оформления трудовых отношений. Отдельные руководители могут сознательно идти на

такие меры в целях снижения налогового бремени и уклонения от уплаты социальных и страховых взносов за работников.

Интенсивное развитие цифровых технологий, онлайн-бирж, сетевой экономики предоставляет широкие возможности для неформального сотрудничества – в том числе в режиме удаленного сотрудничества. Нынешнее российское законодательство плохо приспособлено к современным вызовам – это касается в первую очередь стремительного развития цифровой экономики, информационных технологий и коммуникаций, что также создает угрозу дальнейшего развития теневого сектора экономики [8].

Другими факторами, способствующими росту теневой занятости и уклонению от налогообложения, являются высокие транзакционные издержки, связанные с добросовестным исполнением обязанностей налогоплательщиков – необходимость ведения бухгалтерского и налогового учета, изучения налогового законодательства, а также низкий уровень финансовой и налоговой грамотности населения в целом [12, 13]. При этом, как показывает анализ, транзакционные издержки в России находятся на более высоком уровне по сравнению с зарубежными странами в связи с чрезмерной бюрократической регламентацией [14]. Это связано с более высокими временными и финансовыми затратами, необходимыми для взаимодействия с налоговыми и другими государственными службами при легальных формах трудовой деятельности [15].

Дополнительно способствует уклонению от налогообложения (при наличии такой возможности) и низкий уровень социальных гарантий, заключающийся в недостаточно высоком уровне пенсий, выплат по потере нетрудоспособности и т.д. [16].

В сложившихся условиях, когда имеет место вероятность постепенного изменения структуры рынка труда и занятости со все более интенсивным развитием сетевых и дистанционных технологий сотрудничества, не связанных с традиционными формами трудоустройства на постоянной основе, необходимы шаги, направленные на адаптацию налоговой политики государства к современным условиям и сокращение теневой занятости.

Это подразумевает разработку и принятие целой группы мер, направленных на совершенствование налогового администрирования и повышение эффективности деятельности налоговых служб.

1. Активизация работы налоговых служб и их взаимодействия с налогоплательщиками посредством современных информационных технологий. Применение современных технологических и программных решений, которые позволят улучшить работу налоговых органов.

2. Развитие взаимодействия налоговых служб с сетевыми платформами, выступающими в роли посредников между индивидуальными предпринимателями, частными работниками, предлагающими определенные услуги, и их потребителями. На сегодняшний день уже имеются примеры зарубежного опыта сотрудничества налоговых служб с сетевыми платформами в целях улучшения взаимодействия с налогоплательщиками на дистанционной основе, а также предотвращения случаев массового уклонения от налогообложения [17].

Так, в Эстонии налоговые органы сотрудничают с двумя крупными сетевыми платформами, занимающимися посредничеством в предоставлении услуг такси. В рамках данного сотрудничества налоговыми службами осуществляется сбор информации, на основе которой производится расчет налоговых платежей и заполнение налоговых деклараций в отношении каждого водителя за соответствующий налоговый период. После этого налоговые декларации предоставляются водителям, которые проверяют корректность расчета налоговых платежей и при необходимости вносят в них изменения. Данные процессы осуществляются в электронной среде на дистанционной основе.

Сотрудничество с сетевыми платформами, занимающимися посредничеством в сфере предоставления жилья в наем, а также других видов услуг, осуществляют и налоговые службы Финляндии. Данное сотрудничество показало высокую эффективность в предотвращении случаев уклонения от уплаты налогов и теневой занятости – правда, в тех случаях, когда платформы действовали в юрисдикции Финляндии. В случае наличия проблем с взаимодействием с сетевыми платформами, находящимися в юрисдикции других стран, применялись такие меры, как технологии блокирования зарубежных сайтов, на базе которых действуют эти сетевые платформы, а также путем развития различных форм международного сотрудничества с руководством других стран. Применение подобных подходов, основанных на сотрудничестве налоговых органов с сетевыми платформами других стран, помогает выявлять случаи занижения отчетных показателей о доходах с продаж, завышения значений показателей в счетах-фактурах, а также иные нарушения, связанные с уклонением от уплаты налогов.

3. Использование возможностей современных сетевых и коммуникационных технологий в целях обеспечения оперативного взаимодействия налогоплательщиков и налоговых служб в вопросах предоставления различных консультационных услуг, необходимых для корректного расчета и своевременной уплаты различных налоговых платежей. Данная мера предполагает необходимые консультации в структуре электронных кабинетов налогоплательщиков – как путем размещения ссылок на часто задаваемые вопросы и ответы, так и путем обеспечения непосредственного взаимодействия с сотрудниками налоговых служб в режиме онлайн. Эффективность использования современных цифровых технологий в процессе налогового администрирования отмечается также и многими отечественными специалистами [18–20].

4. Доработка существующего законодательства в целях создания законодательной базы, позволяющей налоговым службам требовать доступ к данным пользователей сетевых платформ в целях снижения возможностей для уклонения от налогообложения и роста теневого сектора экономики.

Таким образом, нестабильная экономическая обстановка способствует росту числа граждан, официально нетрудоустроенных на постоянной основе у конкретных работодателей и практикующих дистанционные формы сотрудничества в качестве альтернативы официальному трудоустройству. Дальнейшему углублению данных тенденций способствует также интенсивное развитие цифровой экономики и сетевых технологий. В этой ситуации уже сейчас необходимо начинать подготовку налоговой системы к грядущим возможным изменениям в структуре рынка труда и форм занятости с тем, чтобы практика налогового администрирования обеспечивала необходимый для нормального существования государства уровень собираемости налогов – с учетом новых реалий и новых вызовов.

Таблица 1

Численность занятых по возрастным группам

Table 1

The number of the employed population by age group

Занятые мужчины и женщины (по возрастным группам)	2005	2010	2014	2015	2016
Всего, тыс. чел.	68 339	69 934	71 539	72 324	72 393
В том числе:					
15–19 лет	1 420	702	416	414	434
20–24 лет	6 545	6 551	5 603	5 052	4 639
25–29 лет	8 686	9 535	10 345	10 491	10 463

30–39 лет	16 414	17 728	18 833	19 464	19 850
40–44 лет	9 888	8 016	8 550	8 795	9 053
45–49 лет	9 959	9 584	8 431	8 258	8 124
50–54 лет	8 282	9 073	9 496	9 433	9 190
55–59 лет	4 553	5 804	6 406	6 708	6 818
60–64 лет	1 381	2 131	2 628	2 808	2 884
65–72 лет	1 212	810	830	902	938
Средний возраст, лет	39,7	40	40,4	40,6	40,7

Источник: данные Росстата

Source: The Federal State Statistics Service of the Russian Federation data

Таблица 2

Динамика численности родившихся и средних показателей рождаемости за 5 лет в 1980–2000 гг.

Table 2

Trends in the number of births and average birth for a five years' time, 1980–2000

Год	Число родившихся, тыс. чел.	Среднее число родившихся за последние 5 лет
1980	2 202,8	–
1981	2 236,6	–
1982	2 328	–
1983	2 478,3	–
1984	2 409,6	2 331,1
1985	2 375,1	2 365,5
1986	2 485,9	2 415,4
1987	2 500	2 449,8
1988	2 348,5	2 423,8
1989	2 160,6	2 374
1990	1 988,9	2 296,8
1991	1 587,6	2 117,1
1992	1 587,6	1 934,6
1993	1 378,9	1 740,7
1994	1 408,1	1 590,2
1995	1 363,8	1 465,2
1996	1 304,6	1 408,6
1997	1 259,9	1 343,1
1998	1 283,2	1 323,9
1999	1 214,6	1 285,2
2000	1 266,8	1 265,8

Источник: данные Росстата и собственные расчеты автора

Source: Authoring, and the Federal State Statistics Service of the Russian Federation data

Таблица 3

Динамика численности учащихся по различным программам подготовки в 2010–2017 гг., тыс. чел.

Table 3

Trends in the number of students of various training programs, 2010–2017, thousand people

Численность студентов по программам	Учебный год			
	2010/11	2014/15	2015/16	2016/17
Подготовки квалифицированных рабочих, служащих	1 007	727	686	563
Подготовки специалистов среднего звена	2 126	2 103	2 180	2 305
Бакалавриата, специалитета, магистратуры	7 050	5 209	4 766	4 399
Подготовки квалифицированных рабочих, служащих	581	403	368	199
Подготовки специалистов среднего звена	572	451	446	469
Бакалавриата, специалитета, магистратуры	1 468	1 226	1 300	1 161

Источник: данные Росстата

Source: The Federal State Statistics Service of the Russian Federation data

Таблица 4

Динамика безработицы по возрастным группам в 2005–2016 гг.

Table 4

Unemployment trends by age group, 2005–2016

Безработные мужчины и женщины	2005	2010	2014	2015	2016
Всего, тыс. чел.	5 242	5 544	3 889	4 264	4 243
В том числе по возрастным группам					
15–19 лет	500	327	162	199	178
20–24 лет	961	1 151	790	842	811
25–29 лет	713	832	616	688	701
30–39 лет	1 138	1 182	880	981	1 017
40–44 лет	594	473	334	374	380
45–49 лет	586	581	340	344	337
50–54 лет	453	558	407	445	418
55–59 лет	197	315	246	273	270
60–64 лет	47	94	88	92	100
65–72 лет	52	30	24	26	31
Средний возраст, лет	34,7	35,3	35,8	35,7	35,8

Источник: данные Росстата

Source: The Federal State Statistics Service of the Russian Federation data

Таблица 5

**Индекс физического объема ВВП в РФ в 2000–2017 гг. в постоянных ценах,
% к предыдущему году**

Table 5

**Real Gross Domestic Product in the Russian Federation for 2000–2017, in fixed values,
percentage points year-on-year**

Год	ВВП в рыночных ценах
2000	110
2001	105,1
2002	104,7
2003	107,3
2004	107,2
2005	106,4
2006	106,7
2007	108,1
2008	105,6
2009	92,2
2010	104
2011	104,3
2012	103,4
2013	101,3
2014	100,7
2015	97,2
2016	99,8
2017	101,5

Источник: данные Росстата

Source: The Federal State Statistics Service of the Russian Federation data

Таблица 6

Динамика индекса Джини и коэффициента фондов в РФ в 2000–2017 гг.

Table 6

Trends in the Gini index and R/P 10% ratio in Russia, 2000–2017

Год	Индекс Джини (индекс концентрации доходов)	Децильный коэффициент фондов
2004	0,409	15,2
2005	0,409	15,2
2006	0,415	16
2007	0,422	16,7
2008	0,421	16,6
2009	0,421	16,6
2010	0,421	16,6
2011	0,417	16,2
2012	0,42	16,4
2013	0,419	16,3
2014	0,416	16
2015	0,412	15,7
2016	0,414	15,7
2017	0,412	15,5

Источник: данные Росстата

Source: The Federal State Statistics Service of the Russian Federation data

Таблица 7

Динамика численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицита денежного дохода в РФ в 2000–2017 гг.

Table 7

Trends in the number of people earning less than the subsistence level and deficit of monetary income in the Russian Federation, 2000–2017

Год	Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума		Дефицит денежного дохода		Величина прожиточного минимума, руб./мес.
	млн чел.	% от общей численности населения	млрд руб.	% от общего объема денежных доходов населения	
2000	42,3	29	199,2	5	1 210
2001	40	27,5	238,6	4,5	1 500
2002	35,6	24,6	250,5	3,7	1 808
2003	29,3	20,3	235,3	2,6	2 112
2004	25,2	17,6	225,7	2,1	2 376
2005	25,4	17,8	288,7	2,1	3 018
2006	21,6	15,2	277,1	1,6	3 422
2007	18,8	13,3	272,1	1,3	3 847
2008	19	13,4	326,7	1,3	4 593
2009	18,4	13	354,8	1,2	5 153
2010	17,7	12,5	375	1,2	5 688
2011	17,9	12,7	424,1	1,2	6 369
2012	15,4	10,7	370,5	0,9	6 510
2013	15,5	10,8	417,9	0,9	7 306
2014	16,1	11,2	478,6	1	8 050
2015	19,5	13,3	700,5	1,3	9 701
2016	19,5	13,3	706,8	1,3	9 828
2017	19,3	13,2	716,6	1,3	10 088

Источник: данные Росстата

Source: The Federal State Statistics Service of the Russian Federation data

Таблица 8

Динамика реально располагаемых денежных доходов населения в РФ в 2000–2017 гг.

Table 8

Trends in the disposable monetary income of the Russian population, 2000–2017

Год	Прирост к предыдущему году, %
2000	12
2001	8,7
2002	11,1
2003	14,9
2004	9,9
2005	12,4
2006	13,5
2007	12,1
2008	2,4
2009	3
2010	5,9

2011	0,5
2012	4,6
2013	4
2014	-0,7
2015	-3,2
2016	-5,8
2017	-1,7

Источник: данные Росстата

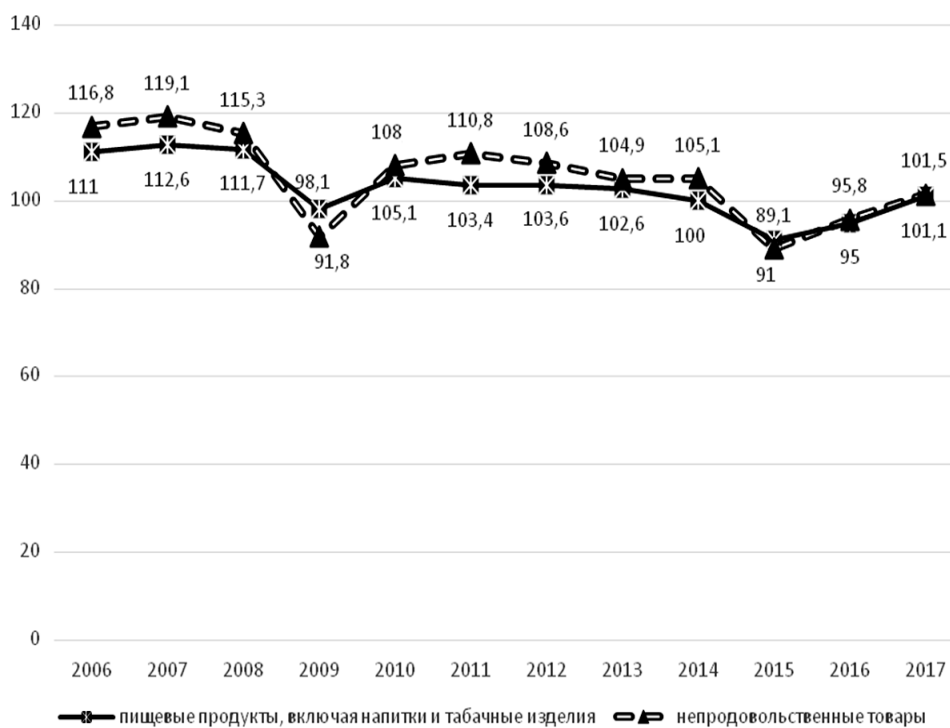
Source: The Federal State Statistics Service of the Russian Federation data

Рисунок 1

Динамика индекса физического объема розничной продажи основных товаров по группам продовольственных и непродовольственных товаров в 2006–2017 гг.

Figure 1

Trends in core retail sales index by group of food and non-food products, 2006–2017

Примечание. Годовые значения индекса физического объема розничной продажи основных товаров показаны в процентах (к предыдущему году).

Источник: данные Росстата

Source: The Federal State Statistics Service of the Russian Federation data

Список литературы

1. *Немировская О.В., Коваленко О.В.* Оценка потерь бюджета и внебюджетных фондов от нестандартной занятости в Алтайском крае // Управление современной организацией: опыт, проблемы и перспективы. 2017. № 2. С. 144–149.
2. *Юшкова О.О.* Новые правила налогообложения микробизнеса должны способствовать росту налоговых поступлений // Инновации и инвестиции. 2017. № 12. С. 33–36.
3. *Чехов А.В.* Проблемы определения правового статуса самозанятых лиц для их дальнейшего налогообложения // Научный альманах. 2017. № 4-1. С. 357–360.
4. *Стребков Д.О., Шевчук А.В.* Трудовые траектории самозанятых профессионалов (фрилансеров) // Мир России: социология, этнология. 2015. Т. 24. № 1. С. 72–100.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/trudovye-traektorii-samozanyatyh-professionalov-frilanserov>
5. *Климова М.О.* Проблема уклонения от уплаты налогов в сфере самозанятого населения России // Налоги и финансовое право. 2015. № 5. С. 29–37.
6. *Грабова О.Н., Суглобов А.Е.* Проблемы выхода из «тени» самозанятых лиц в России: риски и пути их преодоления // Экономика. Налоги. Право. 2017. Т. 10. № 6. С. 108–116.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/problemy-vyhoda-iz-teni-samozanyatyh-lits-v-rossii-riski-i-puti-ih-preodoleniya>
7. *Стребков Д.О., Шевчук А.В.* Фрилансеры в информационной экономике: как россияне осваивают новые формы организации труда и занятости (по результатам Первой всероссийской переписи фрилансеров). М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2009. 76 с.
8. *Чечулина М.* Фриланс как развивающаяся форма модернизации экономической активности // Экономика труда. 2016. № 3. С. 291–306.
URL: <https://doi.org/10.18334/et.3.3.36892>
9. *Столетова И.А.* Эффективность применения прогрессивной шкалы налогообложения доходов физических лиц на примере Санкт-Петербурга // Экономика нового мира. 2016. № 1-2. С. 112–123.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/effektivnost-primeneniya>

progressivnoy-shkaly-nalogooblozheniya-dohodov-fizicheskikh-lits-na-primere-sankt-peterburga

10. *Мизамова К.И., Кулов О.А.* Особенности и факторы, влияющие на нестандартную занятость // Вестник университета «Туран». 2016. № 2. С. 92–96.
11. *Солодкая М.С.* Тенденции развития самозанятости и модели налогообложения самозанятых: международный опыт и российские перспективы // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2018. № 1. С. 45–49.
12. *Малис Н.И.* Совершенствование налоговой политики на региональном уровне: основные направления // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2018. № 1. С. 51–60.
13. *Кушева А.А.* Переход самозанятых в формальный сектор экономики // Экономика и предпринимательство. 2016. № 12-2. С. 866–869.
14. *Климова М.О.* Налоговое регулирование деятельности самозанятых физических лиц в России и зарубежных странах // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 5. С. 6.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/nalogovoe-regulirovanie-deyatelnosti-samozanyatyh-fizicheskikh-lits-v-rossii-i-zarubezhnyh-stranah>
15. *Суслина А.Л., Леухин Р.С.* Борьба с теневой экономикой в России: частные аспекты общих проблем // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2016. № 6. С. 46–61.
16. *Ерёменко Р.С.* О правовом статусе самозанятых граждан в России // Вестник международного института управления. 2017. № 3. С. 32–42.
17. *Шередеко Е.В.* Зарубежный опыт налогообложения самозанятых – физических лиц // Финансы и управление. 2016. № 2. С. 111–117.
URL: <https://doi.org/10.7256/2409-7802.2016.2.16860>
18. *Петухова Р.А., Сладкова Е.В.* Совершенствование налогового администрирования с учетом мировой практики применения современных информационных технологий // Инновационное развитие экономики. 2017. № 2. С. 191–197.
19. *Евстигнеев Е.Н., Викторова Н.Г.* Информационные, технологические и кадровые аспекты налогового менеджмента // Экономика. Налоги. Право. 2014. № 6. С. 95–100.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/informatsionnye-tehnologicheskie-i-kadrovye-aspekty-nalogovogo-menedzhmenta>

20. *Новосёлов К.В.* Развитие налогового контроля с применением аналитических методов // *Инновационное развитие экономики*. 2016. Т. 1. № 6. С. 67–72.

Информация о конфликте интересов

Я, автор данной статьи, со всей ответственностью заявляю о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

pISSN 2073-2872
eISSN 2311-875X

Economic Policy of the State

FACTORS CONTRIBUTING TO THE INFORMAL EMPLOYMENT IN RUSSIA AND FISCAL POLICY MEASURES TO ELIMINATE THEM

Andrei I. MASTEROV

Financial Research Institute of Ministry of Finance of Russian Federation,
Moscow, Russian Federation
andrey-masterov@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5531-1047>

Article history:

Article No. 941/2018
Received 25 Dec 2018
Received in revised
form 16 January 2019
Accepted 31 Jan 2019
Available online
14 July 2022

JEL classification:

E69, H21, H26, H30

Keywords: informal
employment,
self-employment,
taxation, network
platform,
fiscal policy

Abstract

Subject. The article focuses on the growing informal employment in Russia, escalating during the rise of computational and network technology and unstable economic situation, which may possibly complicate the collection of fiscal revenue.

Objectives. The research pinpoints and analyzes key factors fueling the informal employment and informal sector of the economy. I also describe to what extent the Russian legislation is in sync with the contemporary aspects of the development of remote cooperation and network technology. The article sets out what fiscal measures should be undertaken to counter the tax evasion among the self-employed population and reduce the informal sector.

Methods. The research involves methods of factor, systems, dynamic analysis.

Results. The article illustrates key factors fueling the informal employment and growth in the informal sector of the economy. I provide the rationale for amending the fiscal policy for countering the tax evasion and tightening the government and tax authorities' control over the informal employment and remote cooperation between the self-employed people and their customers.

Conclusions and Relevance. The intensive development of network and information technology, deteriorating situation in the country, frequenting crisis phenomena, employment difficulties represent the key triggers of the informal employment. Under such circumstances, the State should hold the coordinated fiscal policy to regulate remote forms of employment and operations of network platforms on the Internet. The findings can be used to determine what legislative and fiscal efforts can be taken to regulate the remote cooperation activity of the self-employed people without being formally employed, so as to counter the informal sector of the economy and prevent the self-employed people from evading taxes.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2018

Please cite this article as: Masterov A.I. Factors Contributing to the Informal Employment in Russia and Fiscal Policy Measures to Eliminate Them. *National Interests: Priorities and Security*, 2022, vol. 18, iss. 7, pp. 1260–1283.
<https://doi.org/10.24891/ni.18.7.1260>

Acknowledgments

The article was adopted from the *National Interests: Priorities and Security* journal, 2019, vol. 15, iss. 3.

References

1. Nemirovskaya O.V., Kovalenko O.V. [Estimation of losses of the budget and extrabudgetary funds from precarious employment in the Altai region]. *Upravlenie sovremennoi organizatsiei: opyt, problemy i perspektivy* = *Modern Corporate Management: Experience, Problems and Prospects*, 2017, no. 2, pp. 144–149. (In Russ.)
2. Yushkova O.O. [New microbusiness taxation rules should boost a growth in fiscal revenue]. *Innovatsii i investitsii* = *Innovations and Investments*, 2017, no. 12, pp. 33–36. (In Russ.)
3. Chekhov A.V. [Difficulties in determining the legal status of the self-employed people for their further tax treatment]. *Nauchnyi al'manakh* = *Science Almanac*, 2017, no. 4-1, pp. 357–360. (In Russ.)
4. Strebkov D.O., Shevchuk A.V. [Work trajectories of self-employed professionals]. *Mir Rossii: sotsiologiya, etnologiya* = *Universe of Russia: Sociology. Ethnology*, 2015, vol. 24, no. 1, pp. 72–100.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/trudovye-traektorii-samozanyatyh-professionalov-frilanserov> (In Russ.)
5. Klimova M.O. [The tax evasion among the self-employed population of Russia]. *Nalogi i finansovoe pravo* = *Tax and Financial Law*, 2015, no. 5, pp. 29–37. (In Russ.)
6. Grabova O.N., Suglobov A.E. [The problems of de-shadowing of self-employed people in Russia: Risks and coping mechanisms]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* = *Economics, Taxes & Law*, 2017, vol. 10, no. 6, pp. 108–116.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/problemy-vyhoda-iz-teni-samozanyatyh-lits-v-rossii-riski-i-puti-ih-preodoleniya> (In Russ.)
7. Strebkov D.O., Shevchuk A.V. *Frilansery v informatsionnoi ekonomike: kak rossiyanе osvaivayut novye formy organizatsii truda i zanyatosti (po rezul'tatam Pervoi vserossiiskoi perepisi frilanserov)* [Freelancers in the information economy: How the Russians master new forms of work and employment (according to the 1st Russian Census of Freelancers)]. Moscow, HSE Publ., 2009, 76 p.

8. Chechulina M.Yu. [Freelancing as a developing form of the economic activity modernization]. *Ekonomika truda = Russian Journal of Labor Economics*, 2016, vol. 3, no. 3, pp. 291–306. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.18334/et.3.3.36892>
9. Stoletova I.A. [The effectiveness of implementing the progressive taxation scale for the income of natural persons (by the example of St. Petersburg)]. *Ekonomika novogo mira = Economy of the New World*, 2016, no. 1-2, pp. 112–123. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/effektivnost-primeneniya-progressivnoy-shkaly-nalogooblozheniya-dohodov-fizicheskikh-lits-na-primere-sankt-peterburga> (In Russ.)
10. Mizamova K.I., Kulov O.A. [Features and factors influencing nonstandard employment]. *Vestnik universiteta Turan = Bulletin of Turan University*, 2016, no. 2, pp. 92–96. (In Russ.)
11. Solodkaya M.S. [Dynamics of self-employment and models of self-employment taxation: International experience and Russian prospects]. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Scientific Works of Orenburg Institute (Branch) of MSLA*, 2018, no. 1, pp. 45–49. (In Russ.)
12. Malis N.I. [Improvement of tax policy at the regional level: Main directions]. *Nauchno-issledovatel'skii finansovyi institut. Finansovyi zhurnal = Financial Research Institute. Financial Journal*, 2018, no. 1, pp. 51–60. (In Russ.)
13. Kusheva A.A. [Going self-employed in the formal sector of the economy]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and Entrepreneurship*, 2016, no. 12-2, pp. 866–869. (In Russ.)
14. Klimova M.O. [Russian and foreign practices of tax regulation of self-employed individuals' business activities]. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economic Academy*, 2013, no. 5, p. 6.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/nalogovoe-regulirovanie-deyatelnosti-samozanyatyh-fizicheskikh-lits-v-rossii-i-zarubezhnyh-stranah> (In Russ.)
15. Suslina A.L., Leukhin R.S. [Shadow economy fight in Russia: Some aspects of common problems]. *Nauchno-issledovatel'skii finansovyi institut. Finansovyi zhurnal = Financial Research Institute. Financial Journal*, 2016, no. 6, pp. 46–61. (In Russ.)

16. Eremenko R.S. [Of the legal status of the self-employed population in Russia]. *Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya = Bulletin of International Institute of Management*, 2017, no. 3, pp. 32–42. (In Russ.)
17. Sheredeko E.V. [Foreign experience in taxation of self-employed individuals]. *Finansy i upravlenie = Finance and Management*, 2016, no. 2, pp. 111–117. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.7256/2409-7802.2016.2.16860>
18. Petukhova R.A., Sladkova E.V. [Improvement of tax administration taking into account world practice of application of modern information technologies]. *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki = Innovative Development of Economy*, 2017, no. 2, pp. 191–197. (In Russ.)
19. Evstigneev E.N., Viktorova N.G. [Information, technological and HR aspects of tax management]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, Taxes & Law*, 2014, no. 6, pp. 95–100.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/informatsionnye-tehnologicheskie-i-kadrovye-aspekty-nalogovogo-menedzhmenta> (In Russ.)
20. Novoselov K.V. [Development of tax control using the analytical methods]. *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki = Innovative Development of Economy*, 2016, vol. 1, no. 6, pp. 67–72. (In Russ.)

Conflict-of-interest notification

I, the author of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.